

Райнгольд ШУЛЬЦ
(Псевдоним: Папа Шульц)
г. Гисен. Германия.

Райнгольд Шульц родился 1 ноября 1949 года в Сыктывкаре – столице Коми АССР, в семье высланных житомирских немцев-колонистов. Служил в ВВС. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. Работал в аэрофлоте - Коми управление гражданской авиации.

В 1991 г. с семьёй переехал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России».

Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, публицистику и сказки. Автор более 20 книг, более 1300 публикаций, не считая Интернета. Лауреат многих литературных конкурсов, в том числе многократно международного конкурса «Золотое перо Руси»

ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ (честномыслящие)

Однажды ученик спросил Мастера:
- Долго ли ждать перемен к лучшему?
- Если ждать, то долго! – ответил мастер.

Сахаров в Сыктывкаре

Сыктывкар – столица Коми. Воркута – заполярная столица зекского края, лагерная гильотина. У каждого жителя в СССР был знакомый зек, и не один. Мало кто в своей жизни в то время миновал эту красивую суровую северную землю с колючей проволокой в тайге и в тундре.

Российские немцы тоже не по своей воле оказались в этих дремучих местах. Насилие, неволя, ссылка бесследно не проходят. Мой отец умер там в 55 лет, а мать – в 58.

Мы с братом хлебнули сиротского горя. Жили мы тогда в 14 километрах от Сыктывкара, в поселке речников, в

Красном затоне. Все там знали друг друга и всё знали друг о друге.

Работал я там после восьмилетней школы на заводе ВССЗ (Вычегодский судоремонтный судостроительный завод) в ОГМ, то есть в отделе главного механика, учеником электромонтёра.

С гордостью ходил по посёлку в рабочей робе и с независимым видом. Носил широкий пояс с тяжёлой страховочной цепью, на плечах – кованые когти, и лазил на деревянные столбы, меняя наверху электрические «лампочки Ильича», разбитые пацанами из рогаток. Люди внизу запрокидывали голову и с завистью смотрели на мою работу в чистом небе. А моё сердце на столбе пело: «Мне сверху видно всё, ты так и знай!»

Была у нас такая профессиональная загадка: «С когтями, а не птица, летит и матерится!» Электрик, как минёр, ошибается раз в жизни! От сознания опасности, от высоты, от ограниченной возможности

горизонтального перемещения, от напряжения и сосредоточенности на столбе почему-то дрожат колени. Но снизу смотрят знакомые девчонки. Поэтому я улыбался, стиснув зубы: «Крепче воля – ближе победа!»

После армейской службы в ВВС (Военно-воздушные силы) я работал в гражданской авиации, в аэропорту «Сыктывкар» и был к небу ещё ближе. Жил я по-прежнему в родном Затоне и знал там каждого. Вместо меня на столбы теперь лазили другие ученики-электромонтёры, но на земле, как и прежде, мы все были на равных.

Однажды в общей компании на улице у заводской конторы мы под семечки разговорились с новым человеком в нашем посёлке. Мне тогда было 22, ему – под сорок. Очкарик, с простым русским лицом, в казённой рабочей спецовке, в кирзовых сапогах, в телогрейке, в шапке-ушанке, он ничем не отличался от остальных. Но говорить с ним было приятно. Он много знал и думал как-то по-другому, что притягивало к нему и отталкивало одновременно.

- Ты с ним поосторожнее! – посоветовал мне потом «Копченый», Вовка Ермоленко, бывший мой коллега по ОГМ. – Револют Пименов, ссыльный, из Ленинграда!

Меня как током прошибло.

- Место, где я родился и которое люблю – для кого-то наказание?! – пронеслось в моей голове, но потом я молниеносно вспомнил прошлое своих родителей и сказал:

- Мы тоже ссыльные, и что?

- Он диссидент!

- А что это?

После армии я днём работал, а вечером учился в вечерней школе рабочей молодёжи. Со мной за одной партией сидел зрелый мужчина – Николай Пантюхов, наш участковый милиционер. Он частенько списывал у меня домашние задания и контрольные и хорошо ко мне относился.

По его совету я с диссидентом дружбу особо не водил, но, встречаясь на улице, мы с ним здоровались за руку, как со всеми. Перекидывались фразами о том - о сём, о новостях, о его фамилии.

Я признался ему, что думал, будто он выходец из Коми народа – такая фамилия: Пименов. Пимы – национальная зимняя коми обувь, сделанная из оленьей шкуры.

Но он сказал, что отец его казачьих кровей, воевал в Гражданскую, работал в ЧК! Однажды ему пришлось допрашивать анархиста, и анархист отца переубедил. Отец бросил работу, уехал в село и всю жизнь проработал ветеринаром. Вот как бывает.

Потом диссидент незаметно исчез из нашего посёлка, и мы больше не виделись.

А слово «диссидент» вдруг донесли до нас вражки радиоголоса: «Голос Америки», «Радио Свобода», «Би-Би-Си» и «Немецкая волна». Они открывали нам глаза и сообщали закрытую для народа информацию. Специальные станции радиопомех под Вильгортм глушили информацию в радиоэфире. Это называли «джазом КГБ». Голоса диктора было почти не слышно за шипением и бульканьем радиопомех, но я не засыпал, пока не узнавал то, что хотел знать, как и многие другие.

Потом и советское радио включилось в просвещение населения. «Пастернака не читал, но его осуждаю!» – передавало радио летучую фразу, и оно стало похоже на армянское!

По стране снова прокатилась волна осуждения книги «Архипелаг ГУЛАГ». В 1974 году писателя Солженицына арестовали, обвинили в измене Родине, лишили советского гражданства и молниеносно, с треском выслали за бугор, на золотой Запад, в богатую и, казалось, свободную Западную Германию.

А мы, новое поколение, узнали, что такое «инакомыслие», «искажённая правда» и гражданская смелость. «Один в поле не воин» – говорит пословица. Но он был один и стоял во весь рост – герой!

«Народ и партия едины» – было написано на красных плакатах, но народ в этом сильно сомневался.

Под сигареты и закусочку, под песни запрещённых бардов на кухнях люди обсуждали свою жизнь и искали выход из создавшейся ситуации застоя.

Ходил по стране в то время такой анекдот. Как будто врачи придумали лекарство от бессмертия. На совещании ЦК вынесли решение первым бессмертным человеком сделать Ленина. Врачи оживили вожда и проводили в его Кремлевский кабинет. Ленин попросил принести все свежие газеты, чтобы ознакомиться с современной обстановкой в стране и не беспокоить его до утра. Чтобы никто вожда не тревожил, у дверей поставили часового. Когда на другой день члены политбюро вошли в кабинет,

Ленина там не было. На поиски подняли всю милицию, КГБ, лучших сыщиков, добровольных дружинников. Время шло, а найти Ленина никто не мог. Тогда решили оживить Дзержинского, уж он-то, старый чекист, обязательно найдет! Оживили Дзержинского, рассказали всё как было, впустили в рабочий кабинет. Феликс Эдмундович окинул зорким взглядом кабинет и уткнулся в пепельницу на рабочем столе. «Ленин ведь не курил», – подумал Дзержинский, вытащил из пепельницы папиросу, распотрошил её и нашел записку. В ней было написано: «Дорогой Феликс Эдмундович! Я ушёл в глубокое подполье! Явки прежние, пароль старый! Начнём всё сначала!»

В 1975 году на большом противолодочном корабле «Сторожевой» ВМФ СССР в Балтийском море вспыхнуло восстание. Руководителем стал советский офицер, замполит корабля, капитан третьего ранга Валерий Саблин. В радиোগрамме он объявил, что руководство СССР отошло от ленинских принципов. В стране процветает панибратство, бюрократизм, очковитительство, использование служебного положения в личных целях. Нет свободы и справедливости. Руководство партии и советское правительство изменили интересам народа и принципам революции. Единственный выход – новая революция! Государственный аппарат должен быть выброшен на свалку истории. Только через обновление руководства возможен путь к общенародному счастью!

Саблин родился 1 января 1939 года в Ленинграде, в семье потомственного морского офицера. Он учился в Высшем военно-морском училище имени М.В.Фрунзе, был секретарём комитета комсомола, потом – членом КПСС.

Советский корабль бомбили советские самолёты. Восстание было подавлено. Экипаж наказан и расформирован. Саблин был обвинён в измене родине и 3 августа 1976 года расстрелян.

Но родине он не изменял, он хотел её спасти от руководства коммунистической верхушки, оккупировавшей страну и простой народ своей идеологией. Но об этом советский народ узнал много позже.

С 1954-го по разваливший страну 1990 год на территории СССР было совершено больше полусотни попыток угона за границу гражданских и военных самолетов.

Один из самых известных терактов в СССР – история о многодетной семье Овечкиных из 11 человек. Талантливые участники музыкальной группы «Семь Симеонов», мать и дети из Иркутска, захватили пассажирский самолет «Ту-154» (рейс Иркутск-Курган-Ленинград), принудили экипаж лететь в Лондон.

В это время стали появляться целые инакомыслящие народы. Прибалтика мечтала отделиться и стать независимой. Республику немцев Поволжья хотели возродить заложники системы – советские немцы. Советские греки и евреи вообще хотели выехать на свою историческую родину. Появились инакомыслящие, антисоветчики, диссиденты, отщепенцы, невозвращенцы.

Бежали спортсмены, артисты, музыканты, разведчики, лётчики, дети советской элиты. Вот несколько знакомых фамилий: Светлана Аллилуева – дочь Сталина; дочь писателя Льва Толстого, которая создала на западе организацию «Международная помощь русским людям»; писатель Виктор Суворов – Резун, тогда сотрудник главного разведывательного управления; талантливый музыкант Ростропович; Шостакович – сын знаменитого композитора; солист балета Нуриев; эстрадная певица Лариса Мондрус, и т.д. и т.п. Было бы за железным занавесом хорошо, никто бы из дома не убежал.

Людам не доверяли! Во всех туристических группах за границей были свои глаза и уши! Семейных вдвоём не выпускали, один оставался дома в заложниках. Психушки были забиты здоровыми инакомыслящими людьми. ГУЛаг стал государством в государстве. Население ГУЛага состояло из самого инакомыслящего народа. Если интересы страны не соответствуют интересам человека, значит, у них разные цели и разные интересы.

В это сложно поверить, но в советские времена тоже были забастовки, ограбления, взрывы в метро и в магазинах. Были террористы - психопаты и дети, захваченные в заложники.

Правду народу не говорили, берегли его спокойствие и нервы!

«Всё на благо человека! Всё во имя человека! И этого человека вы знаете! Это Леонид Ильич Брежнев!» Но жизнь сама выкладывала на блюдечке парадокс и несоответствие: по радио говорят одно, а в магазине видишь совсем другое. Диссидентство и инакомыслие набирало силу по нравственным соображениям, участники движения желали жить честно, свободно и открыто. Они хотели освободиться от официальной лжи и всеобщей тройной морали: вижу одно, думаю другое, говорю третье.

Магнитофонные песни Галича, Кима, Окуджавы, Высоцкого бередили души. Горизонтальная Россия начала поднимать голову: «Человек – это звучит гордо!»

Но советское гордое слово «гражданин» разделилось на два понятия: «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза, читайте, завидуйте! Я – гражданин...»

И второе значение: «Гражданин, пройдемте!»

Дорогой Леонид Ильич Брежнев заходит к себе кабинет, а секретарша докладывает:

- Леонид Ильич! Тут к вам ходоки из народа пришли.

На стуле сидел худенький дедушка в стоптанных валенках, в латанной шубейке и мял в руках свою драную шапку.

- Вы ко мне, дедушка? – спросил Брежнев. – А как Вас зовут?

- Иван Сусанин! – ответил дедушка.

- Иван Сусанин? Тот самый? Герой Отечественной войны?

- Тот самый!

- Вот это да! Вы тут погодите немножко, а я тут по такому случаю быстренько всё политбюро соберу!

- Давайте, давайте! Собираетесь и... пойдём!

10 ноября 1982 завершилась эпоха застоя 18-летнего правления Леонида Ильича Брежнева. Когда он умер, я, как и многие в Союзе, купил бутылку коньяка и дома выпил за упокой души Генсека. За окончание порядков кремлёвской деовщины и блатных закулисных отношений «ты мне – я тебе». Всё было по талонам! Дефицит во всём! В стране не хватало всего и как будто воздуха. Нужен был сильный свежий ветер перемен, новые цели и ориентиры!

В это время появилось имя Сахарова! Оно было у всех на устах, причём с двойным значением. Первое – патриотическое: как большого ученого, создателя водородной бомбы, страшного оружия двадцатого века.

И второе – человеческое, как борца за отмену использования оружия массового поражения – своего хищного детёныша. Сахаров, как Тарас Бульба, говорил: «Я тебя породил – я тебя и убью!»

Отец Водородной бомбы прозрел и испугался того, что он создал. Испугался не за себя, за всё человечество! А смелые власть имущие хотели иметь ядерную дубинку и мозги Сахарова, но душа его была им не подвластна.

Сахаров был как большой кусок литого сахара, который целиком в рот не лезет, и расколоть его не получается. Поэтому власти, любя, боясь и опасаясь, отправили его в ссылку, в закрытый большой промышленный город Горький.

Засекреченный гений века благодаря заграничным радиопередачам стал любимчиком народа, героем-протестантом! Никто не видел его в лицо. Но народ его любил заочно и с жадной любовью вест о своём смелом соотечественнике.

По «Голосу Америки», «Немецкой волне», «Радио «Свобода» и «Би-би-си» передавали секретные новости. Вечерами перед сном в приёмнике сквозь глушилки и завывание протискивалась такая нужная информация, которую с открытым ртом слушали все, потеряв покой и сон.

Андрей Дмитриевич Сахаров, академик, советский физик-теоретик, депутат, автор проекта новой конституции СССР, Европы и Азии, лауреат Нобелевской премии мира!

Он же – антисоветчик, борец за права человека, диссидент, правозащитник, инакомыслящий.

Сахаров родился в Москве в 1921 году в семье русских интеллигентов, почитавших выше других ценностей богатство человеческой души и честь человека.

После окончания в 1942 году МГУ он работал на военном заводе в Горьком, затем окончил аспирантуру физического института, через свои научные теории попал в группу создания термоядерного оружия.

В 32 года стал доктором наук, академиком, был награждён Сталинской премией и удостоен звания Героя Социалистического Труда, засекречен и обласкан властями.

У него было всё, намного больше и лучше, чем у простых людей! Но он принял участие в коллективном письме о культе Сталина, которое отправил в адрес съезда партии!

24 февраля 1976 года, когда в Москве открылся XXV съезд КПСС, во время обеденного перерыва в Сыктывкаре, когда я сидел в столовой и хлебал борщ, в аэропорту, на объекте, где я был начальником, начался пожар. После сварочных работ на складе авиационных запчастей загорелись авиапокрышки, которые хранились этажом ниже в подвальном помещении. Пожарные неправильно тушили резину водой, а надо было пеной!

Пожар потушили только к утру. Утром из Москвы прилетела государственная комиссия разбираться, почему открытие съезда отметили таким чрезвычайным происшествием.

Меня слушать не изволили. Не приняли во внимание истинную причину пожара, грубейшее отклонения от строительных норм и правил при строительстве складского помещения, а именно: использование бракованных, пустотелых железобетонных плит перекрытия, сквозь которые из-за незаделанных щелей скатилась искра от сварки и упала сквозь железобетонное перекрытие в нижний этаж на авиопокрышки. Произошло немыслимое!

Меня сразу отстранили от исполнения служебных обязанностей и отдали под суд, хотя с моей стороны абсолютно никакой вины в этом не было. Наоборот, было видно, какую огромную положительную работу проделал я за короткий срок работы в этой должности.

Суд в Доме культуры аэропорта был открытым и показательным. За меня вступилась общественность, трудовой коллектив, инспектора госпожнадзора. Они подтвердили, что сварочные работы проводились с письменного разрешения, с соблюдением всех правил и норм производства сварочных работ. Все говорили чистую правду, а выглядели диссидентами.

После этих слов меня надо было не судить, а наградить! Плюс за отвагу на пожаре, когда я, по рассказам свидетелей, как безумный кидался в огонь, спасая казённое имущество. Но немцев в России награждали редко! В СССР у них всегда была негативно-отрицательная национальность. Я был гадким утёнком, жертвенной овцой.

Народный судья Олег Праздников не знал, как быть. Чьё давление сильнее – сверху или снизу? И опять же многочисленные неопровержимые положительные факты в честной, творческой работе!

За хорошую, образцовую работу мне дали условный срок и обязали частично компенсировать убытки, нанесённые пожаром. Очень большую для меня сумму. Мне выдали зарплату за полгода вперед. Её и все свои пожизненные накопления я в трёхдневный срок внёс в кассу суда и в кассу аэрофлота. Отдал всё, что имел. К тому же в моей трудовой книжке появилось страшное клеймо.

Раскулаченный, бесперспективный, с судимостью, работая и не получая зарплату, я отправил семью к теще, а сам почти голодал. Спасло хождение в гости.

От такой обиды и несправедливости я тоже стал инакомыслящим и диссидентом. Не старался больше быть впереди. В общественных местах не выключал за собой электроосвещение, не экономил воду – всюду, как и другие, молча протестовал. Как мог, отбивал у государства свои убытки. Неправедливая власть сама настраивала против себя людей. Я не стучал, куда надо, и отговаривал от этого других, когда видел, как воруют у государства стройматериалы, бензин, всё, что плохо лежит. Взять казённое – это не грех, грех, когда берёшь у человека! Такое было негласное правило. «Сойдет и так!» – было рабочее отношение к труду по всему Союзу. Сначала была пятилетка количества, потом качества, в результате не было ни того, ни другого, всюду было слово «дефицит»!

Через некоторое время на пересмотре дела судимость с меня сняли, но денег не вернули и в должности не восстановили.

За свою правозащитную деятельность Сахаров был отстранён от работы, лишен всех советских наград и в 1980 году выслан вместе с женой Еленой Боннэр из Москвы в Горький под гласный надзор внутренних и негласный зарубежных спецслужб. За «бугор» его выслать опасались, он слишком много знал!

Лишь через шесть лет Горбачев, придя к власти, разрешил ему вернуться из ссылки в активную жизнь. Это всеми было расценено как важная веха перемен и прекращение в СССР борьбы с инакомыслием.

В январе 90-го я тоже, как инакомыслящий, написал письмо-протест Михаилу Горбачеву: почему нас, советских немцев, не выпускают на историческую родину в Германию?

Я десять лет по два раза в год носил в ОВИР вызовы из ФРГ. А меня перевоспитывали и учили, как надо жить. Я тактично напомнил новому генсеку о современном крепостном праве для советских немцев.

На следующий день ко мне пришли гости, затем не единожды я был приглашен на собеседования в кабинет для недовольных.

Ходил такой анекдот о недовольных.

Встречаются случайно в городе два одноклассника, давно закончившие школу.

- О, привет!

- Привет!

- Как дела?

- Нормально! Жена, дети, квартира, машина, телефон, дача, связи, любовница – всё есть!

- О! А где ты работаешь?

- В КГБ!

- А чем ты там занимаешься?

- Не чем, а кем?

- Извини! Кем ты там занимаешься?
- Теми, кто недоволен Советской властью!
- Понял! А кто доволен?
- А кто доволен, теми занимается ОБХСС.

В СССР под угрозой наказания запрещалось быть недовольным Советской властью. Довольным тоже оказывали внимание и учили, как надо родину любить. ОБХСС многим не давал спать и жить спокойно.

В тот четверг, 19 мая 1989 года, мы, слушатели народного университета, сразу после работы стали собираться в монументальном пятиэтажном доме политпросвещения, который и сейчас находится на центральной, раньше Юбилейной, теперь Стефановской, площади Сыктывкара, рядом с ЦУМом, Советом Министров Коми АССР и Обкомом КПСС.

Здесь, в этом обкоме партии, я с одноклассниками преданно вступал в комсомол, переживал, готовился, учил историю, знал, в каком году и за что ВЛКСМ был награждён боевыми орденами.

Комсомол – авангард молодёжи, в нём могут быть только лучшие из лучших. Молодёжь хотела быть впереди, а не плестись сзади. В комсомол вступали по убеждению и с ясной целью постараться сделать жизнь прекраснее.

В тот вечер визуально было заметно, что народу пришло в разы больше, чем в обыкновенные четверги. Все задавались вопросом: «Что случилось? Почему столько людей?»

И вдруг кто-то сказал:

- В Сыктывкар приехал Сахаров и будет сейчас здесь выступать!
- Сахаров?!

Мы бегом кинулись в актовЫй зал, чтобы, пока не набралось много народа, занять место поближе к сцене, чтобы лучше его видеть, слышать, смотреть и восхищаться!

Вскоре зал был забит, как Смольный в революцию! В этом был виден единый порыв, любовь и страшный интерес к свежему ветру, к тому, что скажет человек-легенда, живший там, в секрете, наверху и вернувшийся к нам на землю, в нашу беспросветную глушь.

На сцене были кумачовые столы! Между сценой и первым рядом набилась молодёжь. Люди сидели на полу, стояли вдоль стен. В открытых дверях, в коридоре, на лестнице полно народу. Пришедшие позже не попали внутрь. На улице стояли толпы людей и слушали то, что происходит в зале, через специально установленные в окна громкоговорящие колокола-матюгальники.

Такова была популярность человека, знающего обстановку в стране лучше нас и позволившего себе говорить правду!

И вот в окружении многих лиц, пробираясь сквозь толпу, в зал вошёл пожилой приятный человек. Первое впечатление было такое, что в зал вошла человеческая доброта. Высокий, со смущённым лицом, он прошёл на сцену и сел на предложенное ему место. Мы смотрели на него во все глаза и больше никого не замечали.

Раздались аплодисменты, переросшие в бурные овации. Он сразу встал, поднял руки и попросил тишины. Потом вежливо поздоровался с аудиторией и начал негромко рассказывать мягким, добрым голосом, что-то из своей таинственной и интересной жизни небожителя и тайнах верховной власти. О возможном будущем страны.

Сахаров не был прирождённым оратором, ничего особенного он не говорил, но такова была его популярность и магия слова, что народ был в полном восторге. Он светил, как путеводная звезда. Он говорил о том, что у каждого болело внутри. Что у человека должны быть не только обязанности, но и права! Он даже рассказывал, что, когда его арестовывали, то ударили резиновой милицейской дубинкой. Это было очень больно! Больно в душе! Болит до сих пор!

«...А представляете, как больно будет, когда огромная взрывная волна снесет всё, что есть на земле! Чтобы не допустить использование атомного оружия, нужно, пока не поздно, бороться уже сейчас за разоружение!...»

Весь разговор у него был такой назидательный и речь какая-то наставническая – отцовская. Слушали его, открыв рот, и длинный вечер проскочил в мгновение ока.

И вот он встал, откланялся и в сопровождении окружающих под бурное рукоплескание любящих его вышел из зала.

Никому не хотелось расходиться по домам, люди кучками долго стояли на улице, курили, обменивались впечатлениями и неслыханной информацией.

Сахаров производил сильное впечатление. Это ведь не тот человек, которого просто встретишь на улице. Он жил в иных мирах при этом был скромным и приятным в общении. Сахарова нельзя назвать упертым,

он шёл на разумные компромиссы, терпел, когда его освистали на съезде коммунисты. Он действовал методом убеждения, стараясь аргументами вооружить своих оппонентов и превратить их в своих соратников. Мы восхищались его человечностью и авторитетом!

Из всех затонских я был там, наверное, единственным. В автобусе, когда я ехал домой, как бы между прочим хвастался другим, что только что видел Сахарова!

В ответ видел, как загорались от зависти глаза собеседников. Сразу возникал к тебе особый интерес и внимание слушающих. Теперь и они собственными глазами видели того, кто лично видел легенду!

Я гордился, что видел Сахарова живьём, теперь он незримо присутствовал в моей жизни, и это очень важная для меня веха и дорогое воспоминание.

На другой день все на работе, а особенно те, кто был вчера в доме политпроса, еще раз обменивались своими впечатлениями о невероятном событии.

- А чего он приезжал? – спросил я.

- Он приезжал на один день поддержать своего друга Револьта Пименова, который хочет стать депутатом! – сообщил кто-то.

- Револьт? Это не наш ли Затонский диссидент? Имя такое оружейное, похоже на револьвер, на кольт. Помню, он рассказывал, что его назвал так отец в честь издаваемой Кропоткиным в Париже газеты «Револьт».

Револьт – созвучно революции, означает бунт, мятеж, восстание, переворот! Отсюда у него такой взрывной характер и кипучая энергия. Проповедник ясности, узник совести, он не мог молчать, когда другие молчали. Он не вписывался в простой коллектив, потому что был заражён вирусом правды и бесшабашной честности. В нём отсутствовал инстинкт самосохранения. Он любил родину не с закрытыми глазами, как все, а со знаменем на баррикадах.

- Раб спит в каждом из нас, и нам надо по капле выдавливать его из себя, – часто говорил он словами Чехова. Пименов был велик и многогранен, он был революционером, политиком, историком, математиком, он был тем тараном, головой которого пробивали ворота средневековой крепости зачерствелой человеческой души.

Пименов был родом из Новочеркасска, где в июне 1962 года случилась продовольственная забастовка недовольных рабочих, тогда расстреляли там много демонстрантов. Был слух, что солдаты, как в рукопашном бою, сначала разгоняли демонстрантов сапёрными лопатками, затем грянули выстрелы. Восстание потопили в крови. Потом всю ночь коммунальщики смывали с асфальта кровь! Всё было засекречено, но зарубежные радиоголоса рассекретили тайну.

Револьт родился в этом городе 16 мая 1931 года, потом жил в Ленинграде. Карьера складывалась хорошо. Он учился легко, выучил почти все европейские языки, плюс арабский и китайский. Стал кандидатом физико-математических наук, потом защитил докторскую диссертацию. Он был видным, перспективным советским ученым-математиком.

В Милане на математической конференции Пименов делал доклад, после чего один американец сказал, что мистер Пименов и его ученики лихо и далеко обогнали американскую математическую науку.

«Математику любить надо, потому что она ум в порядок приводит!» – шутя повторял Револьт, садясь за шахматы. Пименов создал «Оригинальные подходы анатомической математики», написал «Алгебру Пименова».

Потом он примкнул к участникам диссидентского и правозащитного движения в СССР. Стал историком, написал много самиздатовских статей, книгу «Происхождение современной власти», книгу «Так жить нельзя», два тома книги «Воспоминание». О нём много писали, снимали документальные фильмы.

Но его подвело имя и бунтарских дух. За диссидентскую деятельность в 1970 году в Ленинграде он вместе со своими единомышленниками был арестован.

Судебный процесс проходил в спокойной Калуге и всё равно сопровождался народной демонстрацией протеста. Поддержать подсудимых из Москвы и Ленинграда приехали друзья, знакомые, сочувствующие, в том числе академик Сахаров и его жена Елена Боннэр.

На суде своё последнее слово Пименов говорил без бумажки четыре часа подряд. Он начал со слов Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой!»

22 октября 1970, несмотря на яркую и убедительную речь, он был осуждён Калужским областным судом по 190-1 УК РСФСР за распространение самиздата к 5 годам ссылки.

Ссылку Пименов отбывал у нас в поселке Краснозатонский, что рядом с городом Сыктывкар. Его доставили в Затон в начале ноября. А 12 ноября я демобилизовался из советской армии, из города Феодосия, и через пару дней приехал домой, в родной Затон.

Револьт Иванович уже работал в Затоне на Вычегодском судостроительно-судоремонтном заводе в цехе деревообработки учеником электрика, с зарплатой на которую семейному человеку прожить нельзя! Работал он под контролем и руководством опытного электрика Саши Титова, моего бывшего коллеги. Позже к Пименову приехала его последняя, четвёртая жена, Вилена Анатольевна. Их сын, тоже Револьт, 1964 года рождения, был тогда ещё дошкольником.

Жила эта семья за ручьём, в конце Затона, возле речного училища, на улице Кузнечная, 15, в частном доме Аркадия Семеновича Лукина, в то время заместителя директора завода по речному флоту.

По Затону разносились слухи, что Пименов и какой-то мужик ходили по магазину в вывернутых тулупах и разговаривали на непонятном языке. Людей того времени это очень удивляло. Его диссидентство было настолько обостренным, что это чувствовалось окружающими. Позже квартиранты завели небольшое подсобное хозяйство – козу и кроликов.

Пименову в ссылке перекрыли все пути роста. КГБ категорически запретил пединституту и Сыктывкарскому университету допускать его читать лекции по математике.

Неотступная слежка, запрет в публикациях, невыдача докторского диплома, фактический запрет всем советским ученым ссылаться на его работы – всё это уменьшало научную продуктивность и значимость Пименова. Правда, после 1970 года им всё же было опубликовано около десятка научных работ.

Ещё в первой отсидке за Пименова вступился редактор журнала «Новый мир» автор «Василия Тёркина» поэт Александр Твардовский.

В 1972 году в Сыктывкар прилетал академик Келдыш. Он объяснил местным властям, что в СССР не так много докторов наук, чтобы они лазили по столбам и меняли лампочки! Учёный такого ранга сам является светилом! И держать его на такой малоэффективной работе значит обкрадывать страну! После этого Револьту разрешили устроиться по специальности, и он стал работать в Коми филиале Академии наук, в лаборатории математики младшим научным сотрудником.

С начала 1972 года Пименов ездил на работу из Затона в Сыктывкар, как и я, на 23 маршрутном автобусе. Потом они обменяли свою питерскую коммуналку на отличную квартиру в «сталинском» доме рядом с аллеей славы у вечного огня под знаменитым шпилем. Под этим шпилем был тогда самый богатый в городе магазин «Ветеран». Но там всё было по талонам и не для всех. Академия наук, его работа, была теперь в ста метрах от его крыльца.

В их квартире теперь часто собирались интересные люди. У Пименова была шикарная библиотека редких и очень ценных книг. Он проводил домашние семинары и читал лекции. Он был прекрасным эрудитом и негласно издавал самиздатовский месячный политический бюллетень, печатая его на своей машинке.

В СССР печатная машинка приравнивалась к огнестрельному оружию. На неё надо было обязательно иметь разрешение МВД и регистрировать в милиции. У каждой машинки был свой шрифт, с неё брали отпечатки всех букв и образец текста, чтобы в случае обнаружения запрещенных текстов можно было бы определить, где и кто это напечатал.

Согласно предписанию, в помещении, где стояла печатная машинка, на окнах должны были быть установлены металлические решетки. На ночь машинку надо было убирать в несгораемый шкаф, опечатывать и отмечать это в специальном журнале. В домашнем пользовании иметь печатную машинку можно было только с разрешения милиции, и это было большой редкостью.

У Пименова была отличная немецкая портативная печатная машинка «Continental» с тремя сменными шрифтами – русским, немецким и английским. Он на ней печатал свои научные труды... и не только. Ремонтировать её и менять шрифты приходил к нему специалист, российский немец Михаил Фишбух.

Над Пименовым сразу установила шефство организация «Международная амнистия», которая, как и широкая общественность страны, существенно облегчила жизнь семьям политических ссыльных в СССР.

По окончании ссылки в 1974 году семья Пименовых решила остаться жить в Сыктывкаре, боясь, что в Ленинграде ему не дадут покоя и опять скоро арестуют.

Когда он работал научным сотрудником в Коми филиале Академии наук, в городе проходили какие-то очередные выборы. Револьт Иванович, придя на избирательный участок, взял бюллетень, демонстративно плюнул в него и вышел. Представляете, какой шок испытали свидетели этого дерзкого поступка?! Он считал, что выбирать из одного кандидата одного депутата – это не выборы.

В 1988 году Пименов уже сам был доверенным лицом Сахарова на выборах народных депутатов СССР, одновременно он пытался баллотироваться сам, но из-за противодействия властей потерпел неудачу.

Тогда, в том же году, Пименова выбрали членом правления Всесоюзного общества «Мемориал» и председателем правления Сыктывкарского общества «Мемориал», а также он стал заместителем председателя Сыктывкарского общественного центра «Инициатива».

Михаил Рогачёв, в то время молодой историк, из любопытства тоже пришёл на первое организационное собрание «Мемориала». И первый, только что выбранный председатель Коми «Мемориала» предложил выбрать Рогачёва себе в замы.

За короткое время они набрали много конкретного материала о том, что творилось в Коми республике в годы сталинских репрессий. На телевидении согласились сделать о том страшном времени специальную передачу, но за пару часов до начала эфира председатель республиканского Гостелерадио запретил Пименову участвовать в передаче.

В прямом эфире ведущий передачи выразил сожаление по этому поводу и предоставил слово заместителю Сыктывкарского общества «Мемориал» товарищу Рогачёву.

Михаил Борисович был краток и ошарашил всех! Он сказал, что руководителю и создателю сыктывкарского «Мемориала», члену одноимённого всесоюзного общества, кандидату в народные депутаты СССР, крупному учёному Пименову запретили участвовать в этой передаче. А без него он считает себя не вправе принимать в ней участие. Михаил Борисович отстегнул, положил микрофоны на стол, встал и ушёл из студии.

Это взорвало прямой эфир! Телезрители всей республики негодовали. Телестудию захлестнула волна телефонных звонков. Невозможно было продолжать передачу, и ведущий объявил, что по распоряжению заместителя председателя Гостелерадио молодёжный канал прекращает свою передачу.

Так о неугодном для местных властей инакомыслящем кандидате в депутаты молниеносно узнала вся Коми республика. И народ единодушно вступился за своего кандидата.

Теперь уже долгое время Михаил Борисович Рогачёв сам возглавляет эту организацию, они оставили широкий и заметный след в этой непростой работе.

С Рогачёвым я был знаком давно, но заочно. А в 2009 году Министерство национальной политики республики КОМИ, Союз писателей РК ГУ пригласили меня, как писателя, в составе немецкой делегации в столицу Республики КОМИ на празднование дней российско-немецкой культуры, проводимых по инициативе немецкого посольства и Министерства иностранных дел республики Коми.

Информационно-образовательный центр российских немцев Коми АССР в лице его руководителя Олега Штраллера всё с немецкой четкостью отлично организовал. Было замечательное время! Мне пришлось выступать перед общественностью на радио и телевидении, давать множество интервью местным и республиканским газетам, встречаться с Коми писателями и интересными людьми.

В один из напряженных дней в помещении «Мемориала» состоялась моя встреча с Михаилом Борисовичем Рогачёвым. Самые лучшие отзывы моих знакомых об этом удивительном человеке полностью подтвердились.

Позже я высылал ему свои рассказы о времени пребывания моих ссыльных родителей, российских немцев, на гостеприимной Коми земле. Всегда приятно поблагодарить хороших людей, делавших добро! Все эти работы вошли в 4-й и 10-й том книги-мартиролога «Покаяние», выпущенной Сыктывкарским «Мемориалом».

До сих пор мы активно переписываемся и сотрудничаем с «Мемориалом» республики Коми и его руководством.

А в конце 1980-х годов, во время перестройки, наступила оттепель. Пименов уже читал курсы по теории вероятности и «Истории русской революции» в Сыктывкарском государственном университете, в котором я в то время учился на экономическом факультете.

В нашей дальней и близкой родне я – единственный с высшим образованием и, как у многих советских немцев, с непростой, искорёженной, несправедливой судьбой.

А тогда, в 1989-м, группа поддержки Пименова отмечала у него на квартире день его рождения. Было много телефонных звонков с поздравлениями, и вдруг позвонили из Москвы, из «Мемориала». После поздравления москвичи предложили для поддержки на выборах прислать известного журналиста Юрия Щекочихина. «Не настолько он у нас известен, чтобы повлиять на события», – заявили Московские друзья Пименова.

Через час из Москвы снова позвонили и предложили прислать известного поэта Евгения Евтушенко. (Российского немца по отцу – настоящая его фамилия Гангнус.)

Но развеселившиеся демократы в шутку предложили, что лучше было бы прислать академика Сахарова, а ещё лучше Горбачева!

Вскоре из Москвы перезвонили и сообщили, что через два дня, 19 мая, к вам приедет академик Сахаров!

За один день Сахаров провел три встречи: одну в Эжве и две в Сыктывкаре – в помещении драматического театра и вечером в актовом зале Дома политического просвещения и сразу улетел в Москву.

И в день голосования большинство жителей столицы Коми отдало предпочтение учёному-диссиденту, другу самого Сахарова.

Но этот округ включал в себя еще и несколько сельских районов, где хорошо знали соперника Пименова, работника Сыктывкарского аэропорта, пилота самолёта Ан-2, затем Ан-12 Альберта Тимофеевича Круглова, который за безупречный труд поощрялся руководством 36 раз! В итоге лётчик победил и стал народным депутатом СССР.

Сахаров скончался в тот же год, вечером 14 декабря 1989 года, на 69-м году жизни от внезапной остановки сердца в своей квартире в Москве, на улице Чкалова. Похоронен в столице на Востряковском кладбище.

В 1990 году, уже после реабилитации, Револьт Иванович снова баллотировался в депутаты Верховного Совета и прошел, несмотря на то, что его соперником теперь был большой начальник, бывший председатель Совмина Коми АССР Вячеслав Худяев.

Револьт Пименов, имевший две судимости, сидевший в той тюрьме, где сидел Владимир Ульянов, в Воркуте, в ссылке, в Красном Затоне, вдруг стал народным депутатом РСФСР от Коми АССР (территориальный избирательный округ № 825) и членом Конституционной комиссии съезда народных депутатов РСФСР, членом Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР.

Многолетний борец с тоталитарным режимом, дважды осужденный за антисоветскую деятельность, оказался в высшем органе государственной власти Советской России и стал делегатом нового съезда.

Именно этот первый съезд принял Декларацию о государственном суверенитете России и избрал инакомыслящего Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, что стало первым его шагом на пути к избранию Президентом России и началом конца великой державы.

А я в том году наконец-то получил разрешение ОВиРа на ПМЖ. Быстро оформил все необходимые документы, заправил свои «Жигули» под завязку, прицепил прицеп, закинул туда канистры с топливом, чемоданы, посадил в салон жену и двоих дочерей и в воскресенье, 19 августа 1990 года, из СССР своим ходом выехал на историческую родину, в желанную Западную Германию, преодолев за шесть дней 5811 километров.

А до этого 10 лет каждые полгода, держа от всех в тайне своё желание, я носил вызов из Германии в Отдел виз и разрешений* (ОВиР). Никогда не забуду, с каким презрением разговаривали со мной работник ОВиРа, капитан милиции Бусыгин Николай Васильевич, его помощники Можегова и Попова. А майор Попукалова вообще пригрозила отдать моё дело в КГБ, если я не успокоюсь.

На другой день, придя на работу, я был с утра вызван к начальнику отдела кадров Коми управления гражданской авиации товарищу Модянову. Там уже находились начальник первого (режимного) отдела Лобанов, начальник политотдела Котюк и офицер КГБ Козырев. Перекрёстным напором меня раздавили и размазали, но не сломили внутренне мой дух! А желание уехать не отшибли, а укрепили ещё больше.

В другой раз офицер КГБ Нечаев пригласил меня официальной повесткой уже в своё страшное учреждение и при закрытых на ключ дверях три часа загонял мои «инакомыслящие мысли» под государственный обруч, одетый властью на мою голову. Он очень добросовестно вправлял мне мозги. В конце он меня успокоил, сказав, что КГБ мне ничего не сделает, что арестовывать меня за моё желание будут не они, а МВД – милиция.

Уже в Германии седьмого марта 2002 года нас, русскоязычных писателей из литературного объединения «Немцы из России» в составе Агнес Гизбрехт, Мартина Тильмана, Анатолия Штайгера, Александра Райзера, Владимира Эйснера, Иоганна Кайба и меня, Райнгольда Шульца, пригласили в Кёльн на торжественное заседание форума Льва Копелева – автора книги «Хранить вечно»!

Лев Зиновьевич – известный ученый, писатель, критик, литературовед, германист, переводчик, публицист, правозащитник, диссидент, друг Солженицына, Сахарова, Окуджавы, Пименова.

Копелев, как советский офицер, хорошо говорящий по-немецки, во время войны по своей методике из немецких военнопленных готовил антифашистов, за что был награждён орденами и медалями.

В 1945 году, когда Советская армия вошла в Восточную Пруссию, Копелев был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением и приговорён к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику».

Сначала Копелев сидел в Унжлаге, затем попал в «шарашку», где встретился с Александром Солженицыным и стал прототипом Рубина из книги «В круге первом».

После освобождения Копелев снова имел интересную работу, но стал активистом правозащитного движения, был исключён из союза писателей, лишился гражданства СССР и, как Солженицын, оказался в Кёльне.

В мае 97-го в соседнем городе Марбурге, где когда-то учились Ломоносов и Пастернак, в театральном кафе «Wetter» состоялась моя встреча с Булатом Окуджавой. Он выглядел очень усталым, песен не пел, читал стихи, отвечал на вопросы и в основном поддерживал беседу. Его жена Ольга Владимировна даже не разрешила с ним сфотографироваться: вид, мол, не тот. Истинную причину утомлённости никто не знал.

Из Марбурга на машине его повезли в Кёльн, к его другу Льву Копелеву. А через пару дней по радио проскрипела страшная новость; Окуджава умер. Оказывается, боля гриппом, он от Копелева ещё поехал во Францию и там 12.06.1997 г. скоропостижно скончался в пригороде Парижа, в военном госпитале Кламар. Перед самой смертью Булат Шалвович покался, принял водное крещение. Гражданская панихида состоялась в Москве, в театре имени Вахтангова. Он похоронен в столице, на Ваганьковском кладбище, по соседству с могилами Высоцкого, Есенина, Талькова и других известных творческих людей.

Следом за Окуджавой в Кёльне от тяжелой формы гриппа, которым он нечаянно заразился от остановившегося в его доме Булата Шалвовича, умер Лев Копелев. Через пару дней после похорон Окуджавы в Москве на кладбище Донского монастыря хоронили привезённого из Германии Льва Копелева. После его смерти в Кёльне открылся и действует музей имени Льва Копелева. А в России, по моему, такого ещё нет.

Ежегодный форум имени Копелева открыл своей песней под гитару известный бард из бывшей ГДР Вольф Бирман. В первом ряду сидели президент объединенной Федеративной Республики Германии Иоганнес Рау, председатель немецкого форума имени Льва Копелева Фриц Пляйтген, жена Копелева писательница Раиса Орлова.

Присутствовало приехавшее из России руководство правозащитной организации «Мемориал» в составе Арсения Рогинского, Елены Шемковой, Александра Даниеля, Сергея Ковалёва.

В зале было более пятисот видных деятелей немецкого государства, оказавшего честь и уважение бывшему советскому диссиденту. Торжественное заседание показывали по телевидению.

«Мемориал» – это живая память жертвам политических репрессий, осуждающих практику ЧК, МГБ, КГБ, ГУЛАГа. Люди отличаются от зверей тем, что имеют и чтут свою историю. Они за мир и за права человека, за жизнь по-человечески. День 30 октября объявлен Днём памяти жертв коммунистической партии от политических репрессий.

После торжественного заседания и передачи солидной премии москвичам состоялся шикарный правительственный фуршет с напитками и деликатесами, доставленными, наверное, из рая.

В элитных кулуарах с рюмкой шампанского в разговорах с интересными людьми я неожиданно узнал от московских правозащитников о своём затонском знакомом, основателе «Мемориала» в Коми республике.

Оказывается, в 90 году, в тот год, когда я уехал в Германию, Револют тяжело заболел. Все болезни – от нервов. Преследования, нервотрёпки, переживания даром не проходят.

Первоначально его обследовали в Песочном – это пригород Санкт-Петербурга. Там есть большая онкологическая клиника.

А 13 ноября 1990 года Револют уже был госпитализирован в Восточноберлинском исследовательском центре молекулярной биологии и медицины Центрального института исследований рака.

Ему успешно сделали операцию по удалению раковой опухоли желудка. Но перед самым католическим Рождеством 19 декабря 1990 года в возрасте 59 лет в результате послеоперационных осложнений Пименов Револют Иванович ушёл в мир иной.

Для прощания с народом его тело самолётом доставили в Сыктывкар, а потом его перевезли в Санкт-Петербург.

К тому времени церковь уже вышла из подполья. Револьт Пименов перед смертью успел покаяться и принять смиренность Христа в свою мятежную душу. Его отпевали лучшие духовники северной столицы. В этом красивом городе на Северном кладбище он и похоронен.

Судьба вертит людьми, как колесо спицами, и почему-то, как правило, в списки знаменитых вносят вперёд ногами. Жалко, что Россия относится к своим детям хуже мачехи. Многие отдавшие ей все силы и даже жизнь остались мгновенно забытыми. Отряд не заметил потери бойца...

Через три года после смерти мужа Пименова Вилена Анатольевна сумела переехать из Сыктывкара на постоянное место жительства в Санкт-Петербург, в посёлок Песочный.

Чтобы поставить памятник на могиле мужа и опубликовать его труды, она вела почти нищенский образ жизни. В то время у неё не было даже чего поесть! Никто жене депутата даже пачку макарон не купил!

О ней ходили слухи, что курит «как паровоз» и очень много, а окурки выбрасывает щелчком. Нервы были на пределе. В последние годы она жила уединенно, часто вспоминала Сыктывкар. Пережив кровоизлияние мозга, она заболела воспалением легких и 23.11.2005 умерла на 75 году жизни.

Ее похоронили рядом с мужем.

Позже сын Пименовых, Револьт Револьтович, умнейший человек, математик-самородок, тоже поплатился нервами и здоровьем, перебрался из Сыктывкара в Санкт Петербург и там обосновался.

Город Сыктывкар расположен на 1000 километров северо-восточнее Москвы. Столица Коми республики расположилась на высоком левом берегу реки Сысолы, как раз в месте впадения её в реку Вычегду.

За свою историю город сменил несколько официальных и неофициальных наименований: Усть-Сысола, Ссылный Усть-Сысольск, Сыктывдин, Сыктывдинпом, Сыктывкар и даже просто Кар, по коми - «Город» (тогда других городов в Республике ещё не было). После революции город чуть было не стал Владимиром-Лениным, Иосифом-Сталиным, позже – Сталинкаром.

У Сыктывкара богатая история. В Сыктывкаре жил и учился в средней школе Рома Абрамович. В Сыктывкарской филармонии начинал свою карьеру Валерий Леонтьев. Знаменитые мэтры Москвы вообще утверждали, что в 70-е годы в Сыктывкаре была самая лучшая в стране программа варьете.

В ресторане «Вычегда» изумительно пели Нина Василевская и Александр Воронин. А один из братьев Бобов бесподобно исполнял Демиса Руссо. Культура там была на высоте. Сыктывкарский музыкальный театр и драматический театр на гастролях несли в массы культуру по всему бескрайнему Союзу.

Первые места по обслуживанию постоянно занимали Борис Брынза, Евгений Максименко и Владимир Мальцев, Люся Антонова из любимого народом ресторана «Вычегда».

В Советском Союзе после «Киевского» воркутинский торт был самый вкусный! Много достоинств у республики Коми, у её городов и сёл, её столицы.

Хорошо бы в Коми республике хотя бы сейчас установить Револьту Ивановичу мемориальную доску в Сыктывкаре и на видном месте в посёлке Краснозатонском, плюс на том доме, где он там проживал по улице Кузнечной. Всё-таки это история!

«В этом городе. В этом посёлке. В этом доме с 01.11.1970 по 02.02.1972 год жил вместе с семьёй, находясь в ссылке под гласным надзором, диссидент из Ленинграда, ученый, доктор физико-математических наук Пименов Револьт Иванович! (Точную дату проживания можно установить по прописке в домовую книгу.)»

Уже во время пребывания на исторической родине мне публично пришлось защищать теперь уже всех немцев от несправедливых нападок Владимира Познера в его фильме «Германская головоломка».

И здесь, на исторической родине, продолжается борьба с ловкими и хитрыми людьми, карьеристами и сливкоснимателями, для которых своя рубашка дороже будущего страны. Двое из них подавали на меня в суд с огромным иском «за нанесённый им моральный ущерб» их благополучного спокойствия.

Во Франкфурте-на-Майне было знаменитое русское эмигрантское издательство «Посев», печатавшее после войны запрещённые в СССР инакомыслящие публикации борцов за права человека. Там печатали лагерную прозу узников советских лагерей. Это были произведения В. Шаламова, Г. Владимова, Л. Бородина, Е. Гинзбург и многих других. Оказавшись в сталинских лагерях, пережив ужасающие унижения и страдания, эти писатели поведали миру о состоянии измученных душ советских заключённых.

В «Посеве» уделяли внимание поддержке движения российских немцев в СССР, в частности, издали их сборник «Ре Патриа» (выпуск «Вольного слова» № 16, 1975).

Там я узнал, что инакомыслящие того времени – коллаборационисты, перешедшие на сторону немцев – для кого-то являются предателями, а для кого-то великомучениками, героями. Вот, например, бойцы русского корпуса, которые никогда не были гражданами СССР, ограбленные и изгнанные из дома, всю жизнь боролись с Советской властью, сделавшей их бездомными. Они даже в составе миллионной РОА присягнули на верность фюреру, и с тех пор русский корпус являлся подразделением вермахта. В конце войны они открыто сражались против Советской армии.

Русский барон Владимир Герлах в своей книге «Изменник» написал так:

«Я не изменник ни с моральной, ни с юридической точки зрения, потому что никогда не был подданным Советского Союза. Я начал воевать с красной сволочью в Петербурге, продолжал борьбу на юге сначала с Корниловым, потом с Деникиным и, наконец, с Врангелем. Потом покинул родину, за что большевики меня лишили подданства, хотя я никогда их подданным не был. Я и без подданства продолжал с ними борьбу и теперь вместе с немцами, потому что Советы всё время, пока я был за границей, продолжали мучить и уничтожать мой русский народ. Поэтому я считаю себя морально обязанным помочь моему народу сбросить с себя это проклятое иго. В чём здесь вы умудрились найти мою измену?»

Я на всё стал смотреть новыми глазами. Я не судья, я учусь сострадать, понимать и слушать каждую человеческую душу. Я тогда подумал, что хорошо бы собрать материал и выпустить книгу «Знаменитые зеки Коми АССР» с их биографиями.

Я точно знаю, что у нас в Княжпогосте сидел Евгений Александрович Гнедин, сын спонсора Красной революции Александра Парвуса, организовавшего проезд Ленина в опломбированном вагоне. Там же сидел писатель Лев Разгонов. В должности директора дома культуры колонии общего режима отбывал срок талантливый певец из Ленинграда Сергей Сахаров!

Даже на Колыме не сидело столько народу, сколько в Коми. Только политзаключенных побывало здесь более миллиона человек. На трассе Котлас – Воркута под каждой шпалой чей-то родственник, даже в тайге копни землю – забелеют кости.

В этом «Посеве» 22.07.2007 года в присутствии президента и председателя редколлегии журнала «Настоящее время» Марата Каландарова, генерального секретаря Олега Михалевича, известного писателя Владимира Кунина, автора повести и взрывных фильмов «Интердевочка», «Хроника пикирующего бомбардировщика», и других видных и уважаемых людей меня приняли в члены международной ассоциации писателей и публицистов.* (МАПП).

На следующий год я стал членом Международного Сообщества Писательских Союзов (МСПС), правопреемника Союза писателей СССР. Потом много раз был победителем разных международных литературных конкурсов, в том числе лауреатом престижного конкурса «Золотое перо Руси»!

Но несмотря на это Коми писательская организация в Сыктывкаре принимать меня в свои ряды воздержалась. Думаю, из-за моей национальности и моих саркастических рассказов, написанных о моём народе и его трагической истории. Тяжела правда, не все могут её принять и вынести.

Позже, при встрече во Франкфурте-на-Майне со Степаном Солженицыным, сыном писателя-диссидента, я подарил ему свою книгу «Перелетные птицы». Чистая правда о немцах из России, которые были в СССР почти на дне бесправия, тоже шокирует неподготовленного читателя.

Российские немцы с известными именами – государственные деятели, политики, дипломаты, военные, священники, учёные, изобретатели, инженеры, путешественники, предприниматели, педагоги, философы, художники, архитекторы, актёры, режиссеры, композиторы, музыканты, поэты, писатели, издатели – образцово служили российскому государству, внося огромный вклад в развитие страны. Русь богата немецкими следами в русском языке, в своей истории, архитектуре, экономике, громкими именами российских немцев и многочисленными могилами. Но несмотря на притеснения российские немцы любили этот край и русских людей, которые в беде помогали, как могли. Власть и народ – разные вещи, а природа всюду кормилица и мать родная.

Русь и сейчас меня не отпускает, я пишу по-русски, вспоминаю Русь. Люблю честных, простых, добрых, людей! Первые два года жизни в Германии я работал директором европейской христианской гуманитарной помощи для России.

В понятие «гуманитарная помощь» входят три составляющих: продукты питания, медикаменты, одежда. Мы нелегально расширили этот список: везли в Россию много медицинского оборудования, постельного

белья для больниц, моющие средства, школьные принадлежности, игрушки, христианскую литературу. Немцы в церквях Германии собирали пожертвования. На эти деньги закупались товары первой необходимости, упаковывались добровольцами и отправлялись грузовиками в Россию.

Общая западная помощь того времени составила около 2 млн. тонн грузов в год. Один грузовик берёт 25 тон, получается 80 000 грузовиков. Длина одной фуры в среднем 18 метров, получается колонна длиной в 1600 км. Это, если представить, от западной до восточной границы Польши стоят на дороге фуры в 3 ряда, гружёные бесплатной гуманитарной братской помощью. Это огромная колонна, и в ней было наше солидное христианское участие.

Только за период миссии «Голодная зима-91» и «Волга - 92» нами было доставлено груза более чем на 4 миллиона немецких марок! Тогда в России нас, немцев, встречали, как родных братьев.

Я видел пустые магазины, видел, как метался в отчаянье народ, как огромные стадионы заполнялись людьми, которые искали Бога, ясности, справедливости, достатка, уверенности в завтрашнем дне и покоя.

Люди не говорили, люди плакали и каялись, каждый вспоминал своё несчастье. Самая тяжёлая форма насилия над человеком – это его бедность внешняя и внутренняя, материальная, духовная, его неволя.

Мы не спали ночами, сидели за рулём, спешили на износ, беспрестанно молились за благополучие России, Германии и мира во всё мире!

Я тогда часто бывал в Ленинграде. В Пушкино, при финской церкви, у нас был резервный склад. Гуманитарную помощь мы развозили по всем церквям Поволжья. Моим верным помощником в то время был молодой филолог – ленинградец Саша Воронцов.

Если б я тогда знал, что в Песочном бедствует жена Пименова, я бы непременно был там в самое кратчайшее время и помог бы своим затонским землякам.

Но человек несовершенен! У всех своё представление о всенародном счастье, и каждый кремлёвский бог – Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачёв, Ельцин – вел страну своей дорогой, к своей цели.

То, от чего людей не смог освободить даже Гитлер, развалилось само собой! Советская власть и её идеология упала и разбилась вдребезги. Миллионы невинных жизней были отданы ей в жертву зря!

Сегодня видно, что жизнь ушла далеко в сторону от тех ориентиров, которые ставили перед собой Сахаров, Солженицын, Саблин, Пименов, Копелев, Галич, Окуджава, Высоцкий и многие другие. Спасибо Богу, что судьба свела меня с такими передовыми людьми, с которых хотелось брать пример!

Сейчас мир стал совсем другой. Сейчас нет положительных авторитетов и хороших наставников. Мало с кого можно брать пример. Деньги заслонили духовные богатства. Если совесть есть, то её не носят с собой – она, как ненужный хлам, валяется в чулане дома.

*Везде пустые разговоры,
С концами не свести концы.
С экранов учат жизни воров,
А благородству – подлецы.
Не строят люди личных планов,
Все разучились мечтать.
Из оттопыренных карманов
Взирает денежная власть.*

Конечно, было много перекосов и недостатков в советской государственной системе, но чем больше я вспоминаю прошлое, тем сильнее оно проясняется и с тоской освежает в памяти светлую сторону той жизни. Большое видится на расстоянии. Не всё в социалистическом прошлом было безнадежно плохо, особенно в завершающий период!

Было очень много хорошего, которое надо было бы обязательно сохранить! Было тогда какое-то удивительное, вдохновлённое время энтузиазма. Вперёд звали жизнь, мечта, вера, надежда, перспектива! В то время не было разных многочисленных дорогостоящих страховок на все случаи жизни, была одна гарантия – Государство! Были дешёвые квартиры, недорогие детские ясли, детские сады, бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, профсоюзные лечебные путевки на курорт, бесплатные талоны на питание в диетической столовой, лечение в профилакториях, санаториях, домах отдыха. Чувствовалась забота: пока не пройдёшь ежегодную флюорографию, не допускали к работе. За вредную для здоровья работу выдавали молоко. Чтобы не было риска остаться без денег, их выдавали два раза в месяц – аванс и получка!

Был 8-часовой рабочий день, гарантированный отпуск, премиальная система поощрения, отпускные, 13-я зарплата, почёт и уважение передовикам производства, государственные награды, всесоюзная слава и

социалистическое соревнование. Рабочие в обед питались не сухояткой, принесённой из дома, а горячей, вкусной, полноценной пищей в столовой общепита. Без согласия профсоюза невозможно было уволить человека с работы. Безработица отсутствовала. С детства прививалась любовь к труду. Каждое воскресенье был чей-то профессиональный праздник.

Пропагандировалось уважение к женщине, к матери, к семье, особенно к многодетным семьям! Дети рождаются не от государственных пособий, а от уверенности в завтрашнем дне! У детей было светлое будущее! В школах не было охраны! Никто не похищал детей! Учитель был почти святой человек и пользовался всеобщим уважением. Было развито наставничество и системное воспитание подрастающего поколения – октябрята, пионеры, комсомол, партия! Было честное пионерское слово, честное комсомольское, слово коммуниста. Сегодня слово – как воробей...

Было огромное количество дворцов пионеров. В школах кормили горячим обедом, бесплатно выдавались учебники, были группы продлённого дня, предлагались различные олимпиады и бесплатные кружки по интересам. Были детские утренники, пионерские линейки, комсомольские собрания, праздничные демонстрации, всё это приносило впечатления и положительные эмоции, дружбу и психологическую стабильность.

В летние каникулы работали многосменные пионерские, спортивные и трудовые оздоровительные лагеря. Спорт был на высоте! Были весёлые молодёжные и комсомольские свадьбы.

Была почётная обязанность служить в Советской армии. Солдатская форма привлекала ребят, они выглядели браво и опрятно. Сегодня солдаты во главе с опереточно наряженными командирами похожи на Зайцева и Юдашкина вместе взятых.

А тогда любой труд был в почёте, был заслуженный, торжественный выход на пенсию в 60 лет, женщинам – в 55, на Севере соответственно в 55 и 50, а матери-героини ещё раньше! У старшего поколения был авторитет. Ветераны и пенсионеры в воспитательных целях выступали с воспоминаниями в школах, вузах, перед трудовыми коллективами, на разных собраниях и юбилеях.

Даже в тёмное время суток женщинам и детям не страшно было ходить по улице, всё было спокойно. По праздникам и выходным дням дежурили народные дружинники и имели за это разные льготы.

Личных машин было немного, но был хорошо налажен недорогой общественный транспорт. В городском автобусе не было кондуктора, там стояли такие штуки, кассовые аппараты, в которые люди бросали за проезд деньги и сами отрывали себе проездной билет. Билет стоил 5 коп! А главное – никто не смотрел и не контролировал, всё строилось на доверии. Любую дорогую вещь – холодильник, телевизор и т.п. можно было в магазине купить в рассрочку, и проценты были не зверскими. Каждый год было снижение цен на товары первой необходимости, в перспективе вообще собирались отказаться от денег. По всей стране проходили бесплатные коммунистические субботники под лозунгами «На работу – как на праздник!», «Профсоюз-школа коммунизма!», «Коллектив – это сила!», «Радость через труд!»

А вкуснейший бочковый хлебный квас в цистернах автоприцепа, а газировка в автоматах – два глотка подряд сделать невозможно, начинается икота, и газ из ушей выходит! – за три копейки газа не жалели, выдавали всё, что положено!

На зарплату водителя грузовика или простого рабочего можно было с семьёй из пяти человек хоть и не каждый год, но слетать в отпуск на Чёрное море в оба конца, с севера на юг, через всю страну.

В стране были ударные всесоюзные комсомольские стройки, освоение целины, тайги, науки, космоса! Советская деревня прославляла сельского труженика. Каждую весну по распределению ВУЗов на село отправляли молодых специалистов. Каждую осень на битву за урожай на помощь деревне приходила армия. По вечерам на полевых станах заводились знакомства, устраивались лекции, танцы, концерты художественной самодеятельности.

Советская эстрада имела уникальные голоса, советские песни любимы и поются до сих пор. Был детский хор радио и телевидения. Музеи были бесплатными, театры несли культуру в массы. По всей стране строились широкоэкранные и широкоформатные кинотеатры. Школьники коллекционировали спичечные этикетки, почтовые марки, фантики от конфет, открытки с любимыми героями кинофильмов и их исполнителями. Советские артисты были примером для подражания.

Художественные фильмы были эталоном киноискусства! Они брали за душу, вышибали слезу, заставляли переживать, плакать, рассуждать, делать выводы и становиться патриотами! Были любимые «Голубые огоньки» и умное телевидение! Сегодня это звучит как сказка...

Современное криминальное кино и проплаченное телевидение можно сравнить с канализацией из экрана. Вместо добрых мультиков появились уродливые страшилки. Публичный люд опустился на четвереньки и стал посмешищем. Татуировка на теле и лице – показатель растленной души её владельца. Всё поставлено с ног на голову! Аморальные нарциссы перед всем миром обсуждают мерзкие и низменные подробности, от которых корёжит нормальных людей, у которых телевидение ворует время. Человеческий мозг – это уникальный механизм, он непрерывно работает круглые сутки с нашего рождения и до покупки телевизора. Русский язык даже у элиты стал безграмотный, искаженный и косноязычный.

Моральный кодекс строителя коммунизма целиком состоял из перефразированных цитат Библии. Церковь в стране была под запретом, но вера жила в человеческих сердцах, у них была совесть, ответственность и самоконтроль, о наркотиках и нетрадиционной ориентации никто не слышал.

Аморальное поведение было редкостью. Любовь была чистая, искренняя, без корыстных целей и брачных договоров. «Гражданские» браки, внебрачные дети были редким исключением и всеми осуждались с презрением. Конфликтные ситуации были на строгом контроле парткома, месткома, товарищеского суда. За оступившегося человека боролись всем миром.

Похороны были почти бесплатные, но очень трогательные...

В то время даже капиталисты боялись обижать свой пролетариат, имея перед глазами такой пример, как СССР. В Советском Союзе была запрещена эксплуатация человека человеком. Нельзя было жить на нетрудовые доходы. Человек человеку был друг, товарищ и брат! «От каждого по способностям, каждому по труду», а в будущем – по потребностям. Все были товарищами. Была дружба народов. Соседи были как родственники. У всего общества была одна цель – воспитание нового человека и строительство светлого будущего.

Потом наступили перестройка, гласность, недовольство. Стремясь к лучшему, люди расшатали и развалили большое государство. Всё повторилось, как в сказке о золотой рыбке. Хотели как лучше, а вышло как всегда.

Раньше мечтали о будущем, сейчас вспоминают прошлое.

Ещё 100 лет назад, до великого переворота, когда всюду был ручной труд, а почти в каждой семье по 10 - 15 детей, глава семейства, работая один, мог всех одеть и прокормить.

Теперь всюду механизация и роботозация, у людей нет времени, нет денег, нет перспективы, нет покоя, нет радости, нет уверенности в завтрашнем дне, нет детей. Все народы вымирают.

Без Божьего благословения всё движется в ложном направлении – человек, семья, общество, государство, человечество.

Сегодня мир стал ещё хуже, ещё фальшивее, все обижаются на правду и с удовольствием принимают ложь.

У Солженицына, по-моему, в повести «Раковый корпус» есть такой эпизод. Тяжело больной писатель после всеобщего отбоя любил ходить по тёмному коридору больницы и размышлять о своей жизни. В этом коридоре каждую ночь сидела дежурная медсестра, следила за порядком и читала книги. Однажды юная особа обратилась к писателю за советом:

- Вот Вы, мудрый, опытный человек. Посоветуйте. За мной ухаживают два парня. Один умный, грамотный, много читает, много знает, с ним очень весело и интересно. Другой, сильный, смелый, целеустремлённый, всё умеет делать, за ним – как за каменной стеной! За кого мне выходить замуж?

Писатель внимательно посмотрел на девушку и сказал:

- За кого бы ты, девушка, ни вышла замуж, ты всё равно ошибаешься!

Очень часто так и происходит с нашей жизнью, как будто кто-то из зазеркалья мешает наши планы и карты, делая из нашей единственной жизни непонятный Вавилон. Безбожную башню и безбожную страну люди строили по своим понятиям, а не святым правилам.

У Крылова есть замечательная басня «Лягушки, просящие царя».

«Лягушкам стало неугодно»

*Правление народно,
И стали у Богов они просить царя.
Летит к ним с шумом царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходуном пошло трясинно государство.
Царь этот был осиновый чурбан.
Лягушки страшно испугались,
Но, отдохнув, подползть к царю дерзнули:
Сперва перед царем ничком,
Потом к нему бочком,
Были попытки сесть с ним рядом,
А вот к Царю уж повернулись задом.
В три дня наскучило с таким царем житьё...
Лягушки пишут вновь челобитьё,
Чтоб в их болотную державу
Царя прислали бы на славу!
Послал к ним Бог на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нраву.
Не любит баловать народа своего – он виноватых ест!
Проходит год – в лягушках страшный недочёт.
С утра до вечера их царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит, тотчас засудит и – проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон!
И в небесах услышан он.
- Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? – так тот был слишком тих.
Вы взбунтовались.
Другой вам дан, так этот очень лих.
Живите так, чтоб не было вам хуже!
Чтоб вы не оказались в мелкой луже!*

Райнгольд Шульц
Германия. Гисен.
25.11.2017 - 15.01.2018.
Reinhold Schulz
<rapa-schulz@gmx.de>

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/17/78612-sudba-palachey>